

Институты и общности

Власть, отечество и наука: у истоков создания Русского географического общества

Дмитрий Копелев, Мария Лоскутова

Power, Fatherland and science:
at the origins of the Russian Geographical Society

Dmitry Kopelev (*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg*),

Maria Loskutova (*HSE University, Saint Petersburg, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X24060139, EDN: RLNIGI

Самый сложный миф — тот, который настолько логично изложен и так привычен, что невозможно усомниться в его реальности. Устоявшееся в историографии более чем за полтора века описание процесса создания Русского географического общества (РГО) вполне отвечает этим характеристикам¹. Считается, что его основание произошло довольно неожиданно, когда в 1840-х гг. «в молодых поколениях начало уже пробуждаться русское народное чувство». Сама мысль об учреждении РГО возникла в 1844 г., когда вел. кн. Константин Николаевич, второй сын Николая I, достиг 17 лет². Однако в исследованиях традиционно утверждается, что «идея Общества была впервые высказана не в Зимнем дворце и не имела никакого отношения к любознательности великого князя»³. Оно будто бы создавалось кулуарно и изначально задумывалось как сугубо научное дело, рассчитанное на достаточно узкий круг лиц, обсуждавших

© 2024 г. Д.Н. Копелев, М.В. Лоскутова

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00335.

¹ Остен-Сакен Ф.Р. Сообщение об учреждении общества и образовании первого состава // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества, 13 января 1871 года. СПб., 1872. С. 6–14; Чихачёв П.А. Автобиография // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 28. СПб., 1892. С. 3–7; История полу века деятельности Русского географического общества. Ч. 1. СПб., 1896; Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946; Лукина Т.А. К истории создания Русского Географического Общества // Известия Всесоюзного Географического Общества. Т. 97. 1965. № 6. С. 507–512; Сухова Н.Г. Основание Русского Географического общества // Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. Философский век. Альманах 6. СПб., 1998. С. 74–82; Сухова Н.Г. Об основании Русского географического общества // Известия Русского географического общества. Т. 150. 2018. Вып. 1. С. 68–81; Бредли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 180–203; Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 155–198; Lincoln W.B. Russia's «enlightened» bureaucrats and the problem of State reform, 1848–1856 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 12. 1971. № 4. P. 410–421; Lincoln W.B. In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982; Knight N. Constructing the science of nationality: ethnography in mid-nineteenth century Russia. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1995.

² История полу века деятельности... Ч. 1. С. XXII, 1.

³ Сухова Н.Г. Об основании... С. 77. Иной взгляд на роль великого князя и его окружения в создании РГО см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019; Краю-

в первой половине 1840-х гг. проблемы географии. Толчком к образованию РГО, по этой версии, послужил торжественный банкет, устроенный 4 апреля 1845 г. в доме Энгельгардта на Невском проспекте в Петербурге в честь возвращения из Сибирской экспедиции зоолога А.Ф. Миддендорфа⁴, а главными «учредителями» выступали академик К.М. Бэр и знаменитые исследователи морей вице-адмирал Ф.П. Литке и контр-адмирал барон Ф.П. Врангель⁵. За ними потянулись представители бюрократической и научной элиты, объединённые, по словам П.П. Семёнова-Тян-Шанского, в «кружки», «близко принимающие к сердцу интересы науки и отечества»: «кружок русских мореходов» (И.Ф. Круzenштерн, П.И. Рикорд), «кружок академический» (В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, П.И. Кёппен), «кружок тогдашних и бывших офицеров Главного штаба» (Ф.Ф. Берг, М.П. Вронченко, М.Н. Муравьёв), а также «ещё немногочисленные деятели по различным отраслям русской науки», соединявшие «несомненную талантливость и горячий патриотизм» (К.И. Арсеньев, А.И. Лёвшин, П.А. Чичачёв, В.И. Даль, В.А. Перовский, В.Ф. Одоевский)⁶.

Формирование подобных представлений об обстоятельствах возникновения РГО требует специального изучения. Но какую роль при этом играли власти империи и как именно на них влияла интеллектуальная атмосфера середины XIX в. и «пробуждение русского народного чувства»? Согласно современной историографии и, в частности, новейшим исследованиям Н.Г. Суховой⁷, император и Зимний дворец, по сути, использовались интеллектуалами «втёмную», в качестве «большой наседки с широкими и мощными крыльями», пред назначенной для высаживания «яйца, снесённого нами», как шутливо выражался Бэр⁸. Однако так ли это было в действительности?

«Возделывание географии России». Впервые программу предполагаемого «Русского географо-статистического общества» Литке очертил 1 мая 1845 г. в докладной записке, представленной министру внутренних дел Л.А. Перовскому. Вице-адмирал констатировал, что «исследования, производимые правительством, имея по большей части некоторую определённую государственную цель, не всегда удовлетворяют потребностям науки или общей любознательности; при том они, по существу своему, редко и вообще только в весьма ограниченных предметах бывают доступны публике». Познания современников о географии России напоминали ему «здание, составленное из песчинок», да и они, по его словам, «приобретаются частными людьми случайно или мимоходом, между другими занятиями или по особенной наклонности, каждое порознь». Литке сетовал на то, что в России, «представляющей богатейшее поле для исследования», научными изысканиями «чрезвычайно мало занимались», тогда как их результаты могли бы «принести пользу самому правительству, коему нередко подробные географические сведения бывают необходимы». Потому

хина М.А. Великий князь Константин Николаевич как покровитель отечественной науки. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

⁴ Остен-Сакен Ф.Р. Указ. соч. С. 7; Сухова Н.Г. Об основании... С. 71.

⁵ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 20. См. также: Броссе Л.М. Списки членам-учредителям, почётным членам и должностным лицам императорского Русского географического общества, со временем основания общества 6-го августа 1845 г. по 13 января 1871 г. // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества... С. 243–260.

⁶ История полувековой деятельности... Ч. 1. С. 1–3.

⁷ Сухова Н.Г. Об основании...

⁸ Переписка Карла Бэра по проблемам географии. В 3 т. / Публ. Т.А. Лукиной. Т. 1. Л., 1970. С. 70.

главной задачей Общества должно было стать «изучение Отечества» и распространение «вместе с основательными географическим сведениями вкуса и любви к географии, статистике и этнографии»⁹.

Однако было очевидно, что обществу для действий подобных, которые находились бы «в какой-нибудь соразмерности с обширностью и важностью предмета, и сколько-нибудь отвечали достоинству империи, необходимы способы, кои оно может почерпнуть только из одного источника — милости монаршей». Литке осознавал, что «никакое начинание, клоняющееся к благому просвещению, не оставалось у нас без покровительства... все пользуются милостивым вспомоществованием от казны». Действительно, только из царского Кабинета Вольному экономическому обществу, соединённому с Российским обществом лесоводства, ежегодно выделялось свыше 3428 руб. серебром; Минералогическому обществу в Санкт-Петербурге и двум московским обществам (испытателей природы и улучшения овцеводства) — по 2857 руб. серебром каждому; Обществу истории и древностей в Москве — более 1428 руб. серебром. Российскому обществу любителей садоводства ежегодные субсидии не предусматривались, но при открытии оно получило «в подарок от императора имение»¹⁰.

Эти же идеи развивались на страницах первой книжки «Записок» РГО, где указывалось, что «необходимость иметь сведения о России в географическом и статистическом отношении давно уже ощущается как правительством, так и частными лицами», вследствие чего отдельными исследователями и целями учреждениями (включая Топографическое депо Главного штаба, Гидрографический департамент морского ведомства, Императорскую Академию наук и др.) «собиралось много различных сведений и с большими пожертвованиями, но это делалось без единства цели, и собственно наука не была предметом исключительного внимания». Поэтому, оставаясь «без разработки правильным учёным образом, они не приносили той пользы, какой следовало бы ожидать, и познание России, как в отечестве, так и за границею, распространялось крайне медленно». Между тем «для отстранения подобных недостатков во многих образованных государствах были учреждены географические общества»: в Париже — в 1819 г., во Флоренции — в 1828 г., в Лондоне — в 1830 г. Их пример не мог не привлекать «любителей отечественной географии, статистики и этнографии, кои сходились иногда, чтоб в свободной беседе пользоваться разменом познаний». В итоге 17 человек, в основном — военные и статские генералы, адмиралы и академики, «решились просить о дозволении учредить в Санкт-Петербурге» РГО¹¹.

В речи, произнесённой Литке (уже занявшим пост вице-председателя РГО) на первом общем собрании, торжественном открывшемся 7 октября 1845 г. в «Большой конференц-зале» Академии наук, провозглашалось, что «главным предметом Русского географического общества должно быть возделывание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении». Но если в Западной Европе в аналогичных структурах изучалась преимущественно «география общая», тогда как «домашняя география остаётся для них предметом как бы второстепенным», то в России приоритеты следовало рас-

⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 2–3, 5 об.–6.

¹⁰ Там же, л. 25–27.

¹¹ Основание в С[анкт]-Петербурге Русского географического общества и занятия его с сентября 1845 по май 1846 г. // Записки Русского географического общества. Кн. I. СПб., 1846. С. 25–27.

ставить иначе: «Наше отечество, простираясь от южнейшего пункта Закавказья до северного края Таймурской земли... представляет нам само по себе особую часть света, — заявлял Литке, — со всеми свойственными такому огромному протяжению различиями в климатах, отношениях геогностических, явлениях органической природы и проч., с многочисленными племенами, разнообразием в языках, нравах, отношениях гражданских и т.д. и, прибавим, часть света, сравнительно ещё весьма мало исследованную». Кроме того, учитывалось и то, «сколь важно для России исследование в географическом отношении земель, с нею сопредельных» (Турция, Персия, Хива, Туркестан, Китай, Япония, владения США и Гудзоновой компании, «не говоря уже о европейских»)¹².

Географию Литке относил «преимущественно к разряду наук естественных и отчасти к наукам историческим», связывая воедино природное и социальное. В этом подходе к осмыслению географического пространства чувствовалось влияние концепций И.Г. Гёрдера, Ф. Шеллинга, К. Риттера и А. фон Гумбольдта. Фактически Литке ратовал за превращение географии из науки, «ощущавшей» объекты при помощи их внешнего «описания», в дисциплину, способную не только фиксировать явления, но и раскрывать их внутренние структуры на различных уровнях: этнографическом, сырьевом, политическом, культурном. Тем самым изучение пространства империи становилось важнейшим и органичным условием понимания её природы, а российская география превращалась в поле и своего рода источник для моделирования николаевской имперской парадигмы.

По словам Литке, «ограниченная в средствах своих и в числе сотрудников обязанностью преследовать в одно время все отрасли наук, Академия не имела возможности сделать для географии всего», соответственно ему представлялось, что «с учёной точки зрения, Географическое общество, впрочем совершенно самостоятельное, есть как бы распространение Академии для некоторой специальной цели». Вместе с тем, «имея одним из главных предметов обработывание статистики России», оно принадлежало к ведению МВД и опиралось на его ресурсы¹³. Во «Временном уставе» РГО предполагалось, что «общество представит собою средоточие, к коему будут стекаться со всех сторон сведения, преимущественно о России, но также и о других землях, в рукописных сочинениях, книгах, картах, этнографических предметах, древностях». Основным же методом работы признавались «рассуждения и размен мыслей и сведений»¹⁴. Но очень скоро обществу стало тесно в рамках, намеченных учредителями. Причём оно сразу же оказалось в центре общественного внимания. Любители и энтузиасты по всей стране искали рукописи, присыпали копии найденных документов, появились члены-соревнователи, купечество жертвовало деньги на исследование внутренних областей России, центров ярмарочной торговли и рыболовства, на издание книг и пополнение библиотеки.

«Пробуждение русского народного чувства», подталкивавшее, как считают историки, к созданию РГО, — явление многослойное и противоречивое. По сути, создание РГО вписывалось его организаторами не столько в сугубо

¹² Там же. С. 29–30.

¹³ Там же. С. 33. См. также: История полувековой деятельности... С. XVII–XVIII.

¹⁴ Временный устав Русского географического общества. СПб., 1845. С. 1, 2. О редактировании и принятии Устава РГО см.: Копелев Д.Н., Лоскутова М.В. Русское географическое общество в 1840-е годы: «битвы» за устав // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XLIII. 2024. Вып. 4. М., 2024. С. 36–55.

академические дискуссии, сколько в те поиски народной самобытности, которые активно велись в николаевскую эпоху как в общественных, так и в правительственные кругах¹⁵. Программа изучения России, предложенная Литке, была во многом созвучна идеям, ещё в 1830-е гг. излагавшимся в записке «О народном образовании», подготовленной для императора А.С. Пушкиным, и воплощавшимся в политике С.С. Уварова на посту руководителя учебного ведомства и Академии наук¹⁶. Собственно, и создателей РГО интересовала прежде всего практическая часть их будущей деятельности, которая не должна была ограничиваться обсуждением отвлечённых научных проблем и зачастую локальных сюжетов. Выявление географических и национальных особенностей России превращало Общество в своего рода «правительственную лабораторию» по решению управлеченческих и логистических задач¹⁷, связанных в том числе и с необозримым пространством. Характерно, что в мае 1829 г. А. фон Гумбольдт, путешествовавший по приглашению русского правительства по России, иронично упомянул про империю, которая «равна по пространству Луне», и Николай I, поддерживая шутку, ответил: «Если бы она была на три четверти менее, то управлялась бы более разумно»¹⁸.

Российские публицисты 1830–1840-х гг., размышлявшие о глубинных различиях между Россией и Западной Европой и оживлённо спорившие об уникальности национальной культуры и цивилизации, не раз обращали внимание на особенности географии. Как утверждал П.Я. Чаадаев, «есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»¹⁹.

¹⁵ Подробнее см.: Полиевктов М.Л. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918; Цимбаев Н.И. «Под бременем познанья и сомненья...» (идейные исследования 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989; Зорин А.Л. Идеология «Православия – Самодержавия – Народности». Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

¹⁶ Шевченко М.М. Сергей Семёнович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 95–136; Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104; Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 68–72. См. также: Гайды Ф.А. Идея нации в триаде графа С.С. Уварова // Вопросы национализма. 2021. № 1(33). С. 155–161; Ильин А.А. Идейные источники теории официальной народности: историографический аспект // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2022. № 3. С. 113–120.

¹⁷ Подробнее см.: Лоскутова М.В., Копелев Д.Н. Государственная власть и тематическая картография России 1840-х годов // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4(44). С. 66–78.

¹⁸ «Отвечено со вкусом», – прокомментировал реплику императора Гумбольдт (Гумбольдт А. Экспедиция в Россию: от Невы до Алтая / Публ. О. Любриха, Е.Г. Неклюдова, Д.А. Сдвижкова. М., 2023. С. 22).

¹⁹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего (1837) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / Отв. ред. З.А. Каминский. Т. 1. М., 1991. С. 538.

Через несколько лет он заявлял: «Чем более размышляешь о географическом развитии нашей России, тем более в том убеждаешься, что с первых дней её существования уже таилось в душе её что-то такое, которое обещало ей это огромное, это беспримерное развитие; какой-то здравый смысл, какой-то ум в понятиях гражданских чудно отмечает наших предков»²⁰.

Подобные представления о существенной связи между климатом, территорией, страной и народом постепенно стали «общим местом» в дискуссиях 1830–1840-х гг. В них ощущалось влияние идей Ж. Бодена, барона Ш.Л. де Монтецкого и других приверженцев «климатического детерминизма», а также И.Г. Гёрдера²¹. Всё это сочеталось с ростом общественного интереса ко всему, что касалось «древностей российских», к славянству, культурному и этническому своеобразию. Его популяризации и углублению способствовали самые разные центры и кружки. Один из них группировался вокруг так называемой Румянцевской академии и самого гр. Н.П. Румянцева — мецената и филантропа, жертвовавшего крупные суммы на поиски старинных рукописей и морские экспедиции. В его окружение входили известнейшие учёные Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, труды которых дали мощнейший импульс развитию русской словесности, истории, кодикологии и палеографии²². В университетах наступало время «уваровцев»: в Петербурге — Н.Г. Устрялова, в Москве — С.П. Шевырева и М.П. Погодина, печатавшего на страницах журнала «Москвитянин» русские переводы работ Риттера и Гумбольдта. Разные стороны уклада народной жизни освещались И.П. Сахаровым, А.Н. Терещенко, И.М. Снегирёвым, А.Н. Афанасьевым и др.

Издатель «Московского телеграфа» Н.А. Полевой, говоря в те годы о «народности», полагал, что «двойная бывает она и в поэзии, и в общественном образовании. Все народы испытывают первую — не все достигают до второй. Первая народность та, которую можно назвать детским возрастом каждого народа. Климат, местность, происхождение, обстоятельства придают особенную физиономию самому дикому и первобытному обществу, и по ним создаются его нравы, законы, язык и поэзия, которая напевает уже свою песню, качая колыбель общества-младенца». Вторая же, высшая — «государственность», создаваемая «трудами правительства и нашею историей»²³.

В этом контексте слова Литке о приоритете для РГО «домашней географии» не вызывали удивления. Учредители Общества фактически включались

²⁰ Чадаев П.Я. Ответ на статью А.С. Хомякова «О сельских условиях» (1843) // Чадаев П.Я. Полное собрание сочинений... С. 539.

²¹ Гёрдер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Публ. А.В. Михайлова. М., 1977. С. 181, 182.

²² Куник А.А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. 1850. № 1. С. 16, 17; Ивановский А. Государственный канцлер граф Н.П. Румянцев. СПб., 1871; Корши Е.Ф. Очерк нравственной характеристики Румянцева // Румянцов — собиратель книжных пособий. Сборник материалов для истории Румянцевского музея, изданной ко дню юбилея музея. Вып. 1. М., 1882; Барсов Е.В. Государственный канцлер граф Н.П. Румянцев // Древняя и новая Россия. 1877. № 5. С. 5–22; Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981; Сараскина Л.И. Граф Н.П. Румянцев и его время. М., 2003; Молчанов В.Ф. Книжная культура России XIX века: эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева. М., 2006; Аксёнова Г.В. Государственный канцлер Н.П. Румянцев — организатор русской науки // Преподаватель: XXI век. 2010. № 3. С. 245–253; Bekasova A. Voyaging towards the future: the brig Rurik in the North Pacific and the emerging science of the sea // British Journal for the History of Science. Vol. 53. 2020. № 4. Р. 469–495.

²³ Полевой Н. Очерки русской литературы. Ч. II. СПб., 1839. С. 483, 484.

в злободневные споры современников о феномене России и путях её дальнейшего развития. При этом они выступали представителями «священного союза, соединяющего практическую жизнь с науками», как ещё в 1831 г. выразился будущий председатель Отдела этнографии РГО, а тогда — профессор Московского университета и издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин²⁴.

Но и тут успех во многом зависел от власти. «Усердная ревность, — писал Надеждин, — отзывается на попечительные призымы правительства: и биение жизни открывается во всём организме исполинской Державы Русской. С благодарностью должно признаться, что развитие и образование их в стройные аккорды принадлежит опять средоточной силе правительства, коей держится всё бытие нашего отечества. Оно вводит в живое соприкосновение с собой каждое движение народной жизни и лелеет его со всею отеческою нежностью»²⁵. Любопытно, кстати, что мнения Надеждина и Полевого, обычно оппонировавших друг другу, о роли высших властей полностью совпадали. Живое участие высокопоставленные чиновники принимали и в создании РГО, что иногда стушёвывалось в историографии. Впрочем, реконструировать детали происходившего в середине 1840-х гг. уже в конце XIX в. было весьма непросто. К очередному юбилею РГО Чихачёв в качестве «последнего из ещё живых учредителей общества» попытался по просьбе Семёнова-Тян-Шанского припомнить «всё, что... известно по делу учреждения Общества». Но поскольку никаких письменных данных у него не сохранилось, он с сожалением констатировал: «Доверять же одной памяти кажется мне при моих преклонных летах и отдалённости самого события довольно опасным»²⁶. Неудивительно, что при создавшейся путанице в списки основателей не попали, например, Н.И. Надеждин, Н.А. Милютин, А.П. Заблоцкий-Десятовский.

По-разному указывалось и конкретное место, где впервые заговорили об организации РГО. Нижегородский чиновник и писатель П.И. Мельников (А. Печерский), тесно общавшийся с Далем, управлявшим в 1840-е гг. Особенной канцелярией министра внутренних дел Перовского, вспоминал, что в служебной квартире на четвёртом этаже здания МВД у Александринского театра «по четвергам собирался у Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры Генерального штаба, всё люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четвергах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества, которое бы находилось в ведении министра внутренних дел»²⁷.

Двумя этажами ниже проживал и сам министр — человек просвещённый, требовательный администратор («гроза губернаторов»), но тонкий психолог и придворный. Боевой офицер 1812 г., Лев Алексеевич многим был обязан

²⁴ Надеждин Н. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. Ч. 1. С. 17. О Надеждине см.: Ростиславов Д.И. Записки. О Надеждине. (К биографии) // Русская старина. 1894. № 6. С. 95–119; Козмин Н.К. Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912; Каменский З.А. Н.И. Надеждин. очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984; Николай Иванович Надеждин (1804–1856): материалы к библиографии / Сост. М.А. Бирюкова, А.Н. Стрижёв // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 156–309.

²⁵ Надеждин Н. Современное направление просвещения. С. 42.

²⁶ Чихачёв П.А. Автобиография. С. 3.

²⁷ Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности. Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клеймёнова. СПб., 2002. С. 37.

кн. П.М. Волконскому, при котором состоял адъютантом в 1813–1815 гг. Когда в 1826 г. князь вступил в должность министра императорского двора иделов, Перовский сразу же вернулся из длительного отпуска на службу, стал членом Департамента уделов, а с 1828 г. являлся уже его вице-президентом. В 1840–1852 гг. он оставался товарищем министра уделов, даже будучи членом Государственного совета, а с 1841 г. и главой МВД, пока не сменил скончавшегося Петра Михайловича в уделном ведомстве. Перовский мыслил со стратегическим размахом и умело проявлял инициативу, чутко улавливая пожелания Зимнего дворца²⁸. Он превратил МВД в интеллектуальный штаб незаурядных и ещё достаточно молодых чиновников, как правило, с лицейским или университетским образованием, рассматривавших географию, статистику, этнографию и словесность как важнейшие сферы знания, необходимые для анализа состояния империи и управления ею²⁹. К их числу принадлежали и Даль, и Надеждин, и известный статистик-практик, будущий член Совета РГО Н.А. Милютин³⁰, которых Перовский приблизил с самого начала управления министерством, и др.

Одним из наиболее авторитетных исследователей, служивших в МВД, являлся бывший профессор Санкт-Петербургского университета академик Арсеньев, возглавлявший Статистический комитет и преподававший статистику, географию и историю цесаревичу вел. кн. Александру Николаевичу. Статистика в те годы оказалась настолько тесно связана с географией, что обе дисциплины подчас не разделялись. Статистические описания включали в себя сведения о специфике природы, особенностях ландшафта, ресурсах и этнографии. Многие статистики писали солидные труды по географии. Неформальные встречи учёных, занятых подобными исследованиями, начались в октябре 1843 г. на квартире ординарного академика Кёппена, проживавшего в знаменитом академическом доме на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Большой Невы. Сам хозяин иронично называл эти собрания, проходившие раз в две недели, «вечерними посиделками статистиков и путешественников» («Die Abend-Versammlungen der Statistiken und Reisenden»). Помимо Надеждина и Милютина на них приходили редактор «Журнала Министерства государственных имуществ» статистик Заблоцкий-Десятовский, историк и этнограф А.П. Шёгрен, чиновники и экономисты Г.П. Небольсин, Ю.А. Гагемайстер и А.К. Мейendorф³¹.

Сам Кёппен, в молодости принадлежавший к кружку гр. Румянцева и встречавшийся в Берлине с Риттером, постоянно сочетал научные изыскания в Ака-

²⁸ См.: Шкерин В.А. «Поединок на шпионах»: Дело петрашевцев и политическая провокация в России. М.; Екатеринбург, 2019. С. 17–47; Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. В 3 т. Т. 2. СПб., 2024. С. 224–229.

²⁹ О значении статистики при создании РГО см. подробнее: Скрыдлов А.Ю. Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества – первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. Т. 10. 2019. № 2. С. 21.

³⁰ По свидетельству служившего под его началом К.С. Веселовского, для молодого и энергичного Милютина РГО стало «любимым детищем» и быстро превратилось в «сборное место всей интеллигенции столицы» (Веселовский К. С. Отголоски старой памяти: воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук / Сост. Е.Ю. Басаргина. СПб., 2018. С. 68).

³¹ Вальская Б.А. Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // Известия Русского географического общества. Т. 124. 1992. Вып. 2. С. 115–123. Протоколы этих встреч, которые вёл сам Кёппен, см.: СПбФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д 174.

демии наук с государственной службой: в конце 1830-х – начале 1840-х гг. он возглавлял второе отделение III департамента Министерства государственных имуществ и входил в Учёный комитет этого ведомства³², а в октябре 1843 г., как раз в тот момент, когда стал устраивать домашние «посиделки», был включён вместе с Бэрром в состав временного статистического комитета МВД, созданного Перовским для разработки программы развития отечественной статистики³³. Таким образом, собрания на квартире Кёппена оказались теснейшим образом связаны с масштабными правительственные замыслами. Собственно и последующее создание Русского Географического общества может рассматриваться как составная часть поисков правительством механизмов изучения имперского пространства и управления им.

Пригласил Перовский на службу и профессоров Московского университета – юриста П.Г. Редкина и знатока политической экономии и статистики А.И. Чивилёва. В МВД служили бывший президент Московской медико-хирургической академии А.А. Рихтер, известный успешной борьбой с эпидемией холеры, директор Нижегородской городской ярмарки и историк Церкви гр. Д.Н. Толстой и его племянник, уже известный своими историческими исследованиями гр. Д.А. Толстой, выдающийся организатор сыска И.П. Липранди, подававшие надежды графы А.К. Толстой, А.С. Уваров и В.А. Соллогуб, И.С. Тургенев, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.А. Жеребцов, археолог и нумизмат кн. А.А. Сибирский, этнографы И.П. Сахаров и А.В. Терещенко и многие другие.

В Особенной канцелярии при Перовском служил также А.В. Головнин – сын выдающегося мореплавателя и будущий секретарь РГО, а затем – его председателя вел. кн. Константина Николаевича. Как вспоминал Александр Васильевич, «многие лица, которые занимались науками географическими, сходились весьма часто у воспитателя великого князя Ф.П. Литке для обмена мыслей, сообщения друг другу географических новостей, получения один от другого необходимых сведений, взаимного пособия и проч. В этих собраниях родилась мысль соединиться с дозволениями правительства в общество, которое имело бы целью своей деятельности изучение России»³⁴. О том, что РГО задумывали именно в Зимнем дворце, говорил и Семёнов-Тян-Шанский. В 1892 г. в речи по случаю кончины вел. кн. Константина Николаевича он утверждал, что мысль об образовании РГО впервые прозвучала в начале 1845 г. в велико-княжеском кабинете³⁵. Через четыре года Пётр Петрович уже заявлял, что «толки и совещания об учреждении Русского географического общества происходили в течение 1844 года отчасти в Зимнем дворце в покоях высказывавшего горячее сочувствие этому делу великого князя Константина Николаевича и притом нередко в его присутствии»³⁶.

³² Подробнее см.: Сухова Н.Г., Красникова О.А. К биографии П.И. Кёппена (1793–1864 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб., 2000. С. 31–61; Лоскутова М.В. П.И. Кёппен, прикладная наука и государственная политика в области изучения природных ресурсов Российской империи второй четверти XIX в. // Российско-украинские связи в истории естествознания и техники. М., 2012. С. 145–155.

³³ СПбФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д. 175, л. 94–121.

³⁴ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича / Сост. Б.Д. Гальперина и Б.П. Миловидов. СПб., 2006. С. 43.

³⁵ Семёнов П.П. Речь вице-председателя в годовом собрании И.Р.Г.О. 5-го февраля 1892 г. // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 28. СПб., 1892. С. III.

³⁶ История полувековой деятельности... С. 4.

25 апреля 1845 г. на квартире вице-адмирала в Зимнем дворце, согласно свидетельствам Литке, Кёппена и Бэра, собрались будущие «учредители» РГО, включая их самих, Берга, Врангеля, Гельмерсена, Даля, Струве и Чихачёва. Тогда же, как полагает Сухова, эта инициативная группа, обсудив необходимость создания временного устава, по совету Даля обратилась к Перовскому с просьбой представить соответствующий доклад императору³⁷. После этого всё, по-видимому, уже согласованное в высших инстанциях, пошло быстро.

5 мая во время «вечерних посиделок» у Кёппена 16 учредителей подписали временный устав³⁸. 2 июля Перовский подал Николаю I записку «Об учреждении Географического Статистического общества», а 16 июля внёс в Комитет министров новый доклад, в котором речь шла уже про «Русское географическое общество». После его обсуждения и одобрения император 6 августа утвердил в Петергофе временный устав РГО, распорядившись ежегодно выделять на его нужды из казны 10 тыс. руб.³⁹ Кроме того, ему разрешалось иметь собственную гербовую печать и предоставлялось право бесплатной пересылки корреспонденции. 19 сентября на квартире Даля состоялось учредительное собрание, избравшее первых членов Общества и его Совет. При этом участники заседания (Арсеньев, Врангель, Гельмерсен, Даль, Кёппен, Муравьёв, Струве, Рикорд и секретарь Головин) выразили «искреннюю признательность виновнику своего существования» – Перовскому⁴⁰. Однако торжественное открытие РГО состоялось на следующем, общем, заседании 7 октября в Большой конференц-зале Академии наук. На нём присутствовали уже вернувшиеся из поездки по югу страны вел. кн. Константин Николаевич и его наставник Литке, ставшие соответственно председателем и вице-председателем новой организации.

Патерналистский ракурс: императорская семья. Ещё 2 июля Перовский высказал в своей записке мысль о том, чтобы именно 17-летний генерал-адмирал Русского флота вел. кн. Константин Николаевич, который «известен своей любовью к точным наукам», был «дарован» Обществу в качестве председателя⁴¹. Скорее всего, «учредители» изначально рассчитывали установить таким образом прямую связь между Императорской фамилией и своим детищем, что заметно повышало его престиж и статус. 15 августа Перовский сообщил Литке, совершившему со своим воспитанником плавание по Чёрному морю, о «высочайшем соизволении» на то, чтобы царский сын возглавил Общество. 30 августа Литке ответил из Севастополя, уведомив, что, хотя «юный председатель был несколько сконфужен, получа неожиданное предложение, оно было ему, однако же, приятно». Между тем великий князь, по словам вице-адмирала, вполне осознавал свою будущую роль и сетовал лишь о том, что «не может быть столько полезен, как бы того желал, обществу, которого его высочество постигает всю важность и успехам которого готов содействовать всеми зависящими от него средствами»⁴². Разумеется, в тот момент, будучи совсем молодым человеком, великий князь находился под сильным влиянием своего окруже-

³⁷ Сухова Н.Г. Об основании ... С. 72.

³⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 20. Среди подписавших временный устав по неизвестной причине отсутствовал Даль. Однако 16 июля в докладе Перовского его фамилия указана среди 17 «учредителей».

³⁹ ПСЗ-П. Т. 20. Отд. I. СПб., 1846. № 19259. С. 586–590.

⁴⁰ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 59.

⁴¹ Там же, л. 22.

⁴² Там же, л. 56, 57.

ния, не принимал самостоятельных решений и слабо ориентировался в сложных дворцовых интригах.

Крестив в 1827 г. второго сына в честь равноапостольного императора Константина, Николай I недвусмысленно проявлял внимание к своему старшему брату Константину Павловичу, уступившему ему престол. Тот же, родившийся в 1779 г., был наречён Екатериной II, увлечённо обсуждавшей тогда с венским двором свой «греческий проект», который предусматривал изгнание турок из Европы и образование православной империи со столицей на Босфоре, где царствовал бы её второй внук и его наследники⁴³.

В жизни вел. кн. Константина Николаевича Греция занимала особое место: в детстве он бредил героями homerовского эпоса, мечтал о подвигах Одиссея, с восторгом погружался в описания сказочной Аркадии, представлял фризы Парфенона и читал речи, приписываемые Фукидидом Периклу, в которых Афины изображались столь же идеальным местом, как «государство» Платона. По мере взросления античные идеалы в воображении великого князя начинали сосуществовать с образами византийского Ближнего Востока, прямой противоположности западному христианскому миру, в подростковых мечтах оживали походы Олега и Святослава и возникал вопрос: «Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падёт под ударами русских перунов?»⁴⁴.

Летом 1845 г. юноша наконец посетил город своей мечты: побывал в бухте Золотой Рог, увидел дворцы султана Топкапы и Бейлер-Бей, Софийский собор, бродил в окрестностях устья легендарного Скамандра, взволнованно поднимаясь на курганы, скрывавшие, согласно старинным преданиям, могилы Патрокла и Ахилла, осматривал руины Скейских ворот, возле которых обрёл вечный покой Гектор. Между тем, если верить официозному обзору, составленному И.Н. Березиным, «православному народонаселению это посещение осталось навсегда памятно. Много надежд и радостных предположений соединили православные с приездом сына русского императора – сына, носящего славное в греческой памяти имя Константина!»⁴⁵.

Идея покорения «Царя-града», захватившая царевича, пришла не по душе Николаю I, так как противоречила его политике того времени, и 2 июня он предостерёг сына: «Надеюсь, что ты не сообщаешь другим те впечатления, которые производить должно унижение христианства, но держи их про себя, сколь они ни натуральны. Богу предоставить надо определить, когда кресту восторжествовать над луной, тебе же избегать всего, что иное значение придать может твоему там появлению, чем то, которое действительно тебя туда привлекло; надеюсь, что ты меня понял и будешь осторожен»⁴⁶. Сдержанности требовал от него отец и в 1846 г. во время визитов в Гибралтар, Тулон и Алжир: «Надеюсь, ты будешь себя вести крайне осторожно, учтиво, не болтливо, и помнить, что ты в краю, где каждое слово, каждое твоё движение не уйдёт от наблюдения и строгой критики; веди себя так, чтобы никто ни к чему не мог придраться, смотри, замечай, при чужих молчи, а дома говори и записывай. В особливо будь осторожен в Алжире»⁴⁷.

⁴³ Подробнее см.: Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование русско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011. С. 179–255.

⁴⁴ Цит. по: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство...». С. 151, 152.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ РГА ВМФ, ф. 224, оп. 1, д. 377, л. 12.

⁴⁷ Там же, л. 14.

К будущей государственной деятельности своего сына император относился со всей серьёзностью. «Гардемарин Романов» должен был усвоить все премудрости морской службы, на собственном опыте поняв, как тяжело складывается жизнь на корабле, и овладев всеми «изысками» военно-морского дела: научиться проводить астрономические вычисления, брать рифы, крепить паруса, вести артиллерийский огонь и т.д. Для руководства его обучением и наблюдения за успехами к великому князю с четырёх лет приставили выдающегося мореплавателя и учёного Литке⁴⁸.

Данная миссия совсем не радовала Фёдора Петровича, писавшего 14 марта 1833 г. своему другу барону Врангелю: «Я должен отказаться от всех старых связей, привычек, занятий, от всего, что называется наслаждением жизни, посвятить всю свою деятельность, физическую и моральную, одному предмету и одному лицу... и всё это на пятнадцать лет без всякой возможности сделать и шаг назад»⁴⁹. Врангель же, находясь в Ситке, смотрел на случившееся несколько иначе: «Что сказать о твоём новом назначении? Воспитать генерал-адмирала, дать всему флоту России залог его будущего величия! Какая высокая честь, какое предприятие историческое, какие последствия неисчислимые! Какая ответственность, но и слава как велика тому избранному моряку, которому дело сие вверено попечительнейшим, лучшим из монархов! Я благодарю судьбу, благодаря с чувством патриотической преданности к России, что выбор пал на тебя. Дай Бог тебе силы телесной — за душевною дело не станет»⁵⁰. Впрочем, и он не мог «скрыть чувства недостойного сына отечества» и грусти о том, что теперь придётся «расстаться с тобою надолго и довольствоваться одними воспоминаниями о прошедшем времени, когда ты был ещё наш»⁵¹.

Много лет спустя Литке признался академику В.П. Безобразову, что в самом начале пребывания на «педагогической фабрике»⁵² возле воспитанника получил специальные указания от императора, заявившего: «Сыну моему Александру, когда ему достанется престол, трудно будет справиться с тяжким временем правления государством. Константин будет должен быть ему помощником; я желаю поэтому, чтобы воспитание его подготовило к этой важной обязанности»⁵³. Поэтому Литке со своими помощниками всячески старались расширять кругозор великого князя. Географию ему преподавали Арсеньев и историк И.П. Шульгин. Со своей стороны, Фёдор Петрович даже в письмах всегда сообщал августейшему ученику различные сведения о тех местах, которые посещал, прививая ему интерес к наукам о земле. «Сегодня ровно неделя, что мы расстались, мой милый Константин Николаевич, — писал он, проезжая в 1839 г. через Германию, — и я уже добрался до Гамбурга, который Вам известен теперь уже не потому только, что из него отправился в свой путь Робинзон Крузо. Я Вам признаюсь, что если Вам по отъезде моём было

⁴⁸ О воспитании великого князя подробнее см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство»... О его отношениях с Литке см.: Копелев Д.Н. Великий князь Константин Николаевич и назначение Ф.П. Литке президентом Академии наук в 1864 г. // Константиновские чтения — 2013. Константиновичи — государственная деятельность и традиции благотворительности. К 400-летию Дома Романовых. Сборник материалов научной конференции. СПб., 2013. С. 152–161.

⁴⁹ Eesti Ajalooarhiiv (Tartu), f. 2057, n. 1, s. 452, l. 65.

⁵⁰ Ibid., f. 2097, n. 1, s. 444, l. 56.

⁵¹ Ibid.

⁵² Так в переписке с Жуковским Литке шутливо называл своё положение при великом князе.

⁵³ Веселовский К.С. Отголоски старой памяти... С. 95.

скучно, то мне без Вас и до сих пор чего-то не достаёт. Семилетняя свычка делается второю натурою». Добравшись до Лондона, где не был более десяти лет, Литке вспомнил «время, когда я ещё был в полной силе здоровья; вместо чего теперь похожу я на корабль, идущий в док для тимберовки». Британская столица напоминала моряку «необъятное муравьиное гнездо». Он бродил по *Zoological Gardens*, разглядывал прекрасного жирафа и огромного слона, а затем побывал в *Tunnel* под Темзой, который связал берега реки и стал прообразом городской подземки, проложенной с использованием проходческих тоннельных щитов. Литке спустился под землю и во время прогулки «выпачкался с ног до головы в грязи», но выяснил: «Им остаётся пройти только 30 фут, чтобы поравняться с той чертой дна Темзы, которая при малой воде осуихает; а так двигаются они по 6 дюймов в день»⁵⁴.

Однако новые технологии промышленного века меркли перед сокровищами античности. Зная, что великий князь увлечён древней историей и культурой, Литке посещал Британский музей и с восхищением описывал свои впечатления от «мраморов Эльджина»: древнегреческих рельефов и скульптур, вывезенных в 1802–1812 гг. британским дипломатом из Афин. На обратном пути, «плывя по Рейну от Кобленца», контр-адмирал сообщал своему подопечному 16 июля 1839 г., что «думал о Вас, милый Константин Николаевич, и воображал себе, как бы Вы восхищались руинами, встречающимися тут на каждом почти шагу, этими остатками двух важнейших эпох исторических, десятью веками разделённых – римской, Вам уже известной, и феодальной, которую Вы скоро узнаете»⁵⁵.

Своё понимание стоявшей перед ним педагогической задачи Литке изложил в споре с другим воспитателем великих князей – поэтом и переводчиком В.А. Жуковским⁵⁶, почитателем географии⁵⁷, приверженцем идей Гёдера и Ж.Л.Л. Бюффона и собеседником Гумбольдта. 17(29) октября 1841 г. Фёдор Петрович писал ему: «Опасение Ваше, почтенный друг, чтобы специальное образование моряка не помешало общему образованию *принца*, – я не разделяю. Во-первых, не понимаю я, каким бы образом можно было, стремясь к общему образованию, избежать специальностей. Если принц не должен быть специально моряком, то не должен быть специально и воином, столь же мало как камералистом, дипломатом, судьёю, учёным, художником; чем же он будет? Неужто всем понемногу и в одинаковой степени? Но это значило бы не быть ничем. Вы, может быть, скажете: “Он должен быть принцем”. Но что значит быть принцем? Неужто заниматься всем и ничем? – “Государственным чело-

⁵⁴ РГА ВМФ, ф. 224, оп. 1, д. 368, л. 15, 15 об.

⁵⁵ Там же, л. 14 об., 15.

⁵⁶ О педагогической деятельности Жуковского см.: *Киселёва Л. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту. Т. 3. Тарту. 2004. С. 198–228; Rebecchini D. Reading with maps, prints and commonplace books, or How the poet V.A. Zhukovski taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930 / Ed. by D. Rebeccini and R. Vassena. Milano, 2014. P. 99–116.*

⁵⁷ О взглядах Жуковского см.: *Видуширите И. Гоголь и географическое воображение романтизма*. М., 2019. С. 86–92. В личной библиотеке Жуковского находились собрания карт, книги о путешествиях, в том числе труды самого Литке, а также многочисленные работы по географии, среди которых – сочинения И.К. Кириллова, П.С. Палласа, И.П. Шульгина, П.И. Кёппена, Ф. Познякова, В.М. Севергина, К. Риттера и А. фон Гумбольдта. См.: Библиотека В.А. Жуковского (описание) / Сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981. С. 34, 39, 52, 57, 267, 344 и др.

веком?”. Он им должен быть; но какой специальный рецепт для составления государственного человека? Всякий гос[ударственный] чел[овек] был сначала чем-нибудь специально. Прежде ему должно быть *человеком* – это главное – и об этом стараемся мы всеми средствами... Что же составляет наше специальное образование? Науки морские? Навигация, астрономия и т.д. – это никому не мешает. Наши морские вояжи? Право, здоровье для души и тела. Молодой человек привыкает к порядку, к лишениям и к подчинению себя долгу. Немножко морского духа, морской прямоты для принца не лишнее. Видеть свет со всех сторон – тоже не дурно. А между тем, плавая, мы не перестаём работать головой»⁵⁸.

Жуковский также пытался влиять на взгляды юного генерал-адмирала, ведя с ним в 1840-е гг. оживлённую переписку. Так, в ноябре 1842 г. он предупреждал юношу о приступах острой русофобии в европейских столицах: «В публичных листах известий о России искать нельзя. Они врут без памяти; но одни врут с целью, а другие, принимая враньё за чистые деньги, повторяют его с недоброжелательством. Эта ненависть к России, без особенной причины, есть замечательный феномен нашего времени. Я говорю здесь о ненависти тех, кои хотят управлять общим мнением и употребляют на то книгопечатание. Это бешенство, с каким некоторые газетчики на нас клевещут, означает только то, что Россия есть для них самый твёрдый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители так называемого движения, опрокинуть стараются»⁵⁹.

В другом послании, написанном в октябре 1845 г., Василий Андреевич предостерегал великого князя от geopolитических увлечений, напоминая: «Ваш сон о щите Олеговом имеет своё поэтическое достоинство; в практическом отношении он просто сон, и желаю, чтоб он навсегда остался сном несбышившимся». Как утверждал Жуковский, «эта Византия – роковой город. Ею решилось падение Рима... Уже и Петербург (из которого на отдалённой завоёванной границе царства могучая рука Петра прорубила нам окно в Европу) сделал то, что Россия стала одною огромною пристройкою северной, полугерманской торговой пристани и что отечественная Москва, со всем прошедшим исторической Руси, теперь отброшена в глубину её, как будто пренебреженная. С тех пор, заглядываясь в это окно, перед которым Европа показывает нам свои китайские тени, мы забываем смотреть на существенную, могучую, полную собственной жизни Россию». Он был убеждён в том, что «России для её блага, для её истинного величия, не нужно внешнего ослепительного великолепия; ей нужно внутреннее, не блестательное, но строго-постоянное, национальное развитие... Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно (хотя, впрочем, и теперь уже есть для неё бедственные излишки); но горе, если мы захотим распространяться... Источники её богатства (не все ещё открытые и разработанные) неистощимы; в ней есть довольно места для тройного народонаселения, и на троне русском самодержавие, т.е. неограниченная власть действовать для блага... все завоевания для России уже вполне совершились»⁶⁰.

⁵⁸ Цит. по: Реморова Н.Б. Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 81.

⁵⁹ Письма В.А. Жуковского к его имп[ераторскому] выс[очеству] великому князю Константину Николаевичу / Публ. кн. П.А. Вяземского // Русский архив. 1867. Кн. 11. Стб. 1406.

⁶⁰ Там же. Стб. 1412–1414.

Рассуждения Николая I, Литке, Жуковского, по сути, дополняли друг друга, и в них проявлялись контуры нового взгляда на будущее империи, согласно которому ей следовало развернуться к себе самой, к своим рекам, лесам, равнинам и морям, отказавшись от мечтаний о византийском Царьграде, заморских колониях и американских берегах⁶¹. Этот новый подход вызревал практически одновременно в мыслях императора, великого поэта и знаменитого мореплавателя, разделявших одни и те же тревоги, переживания, опасения, надежды.

Создание РГО очевидным образом перекликалось с формированием подобных представлений. Оно стало результатом взаимодействия и переплетения научных кружков, редакций журналов, правительственные кабинетов и университетских аудиторий. Зачастую тесные связи между ними появлялись spontанно, но они основывались на общем видении дальнейшего развития империи и институционализации научно-профессионального этоса. В итоге РГО объединило при посредничестве и под эгидой императорской власти чиновников, учёных, путешественников, мореплавателей, литераторов, педагогов, как правило, молодого и среднего возраста, успешно делавших служебную карьеру, но ещё далеко не достигших своего пика, что естественно подпитывало их инициативность.

⁶¹ Об отказе России от активной колониальной политики см.: Копелев Д.Н. От мыса Головина к Земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М., 2021.